

«МНЕ КАЗАЛОСЬ, Я — КАРМЕН»

Актриса Театра имени Вл. Маяковского Юлия Соломатина — человек обаятельный и легкий в общении. Работая в одном из лучших театральных коллективов Москвы, она не потеряла критичного и ироничного отношения к себе и пониманию, что только в любви и постоянном поиске рождается достоверное существование на сцене. В ее творческой копилке много ярких ролей: Анна Дивер в пьесе Артура Миллера «Все мои сыновья», Груше в брехтовском «Кавказском меловом круге», Любовь в «Последних» Максима Горького, но точнейшее попадание в образ — роль

Юлия Соломатина. Фото Т. Беляевой

загадочной Фоби Грин, гостьи Канта в одноименном спектакле. С 2016 года у нее не было премьер, но сознательно взятая пауза помогает артистке обрести новый опыт, необходимый для профессии.

— *Вы легко согласились на интервью. Почему вам интересен этот разговор?*

— Наверное, на меня влияют дети, с которыми я в настоящее время работаю: когда им предлагают что-то, они отвечают либо «да», либо «нет». Вот я и ответила, как ребенок. Потом уже подумала: зачем?! Для меня интервью — каждый раз стресс. Но я сейчас придумала себе испытания: иду на все, что мне несвойственно. К примеру, недавно я встала на сёрф. Никогда не думала, что займусь сёрфингом! Мне это занятие так понравилось, оно вдруг раскрыло во мне что-то новое и неизведанное. И я взяла себе это за традицию — соглашаться на все. Не знаю, всегда ли нужно говорить «да», но надо быть открытым.

Хотя в Москве как раз закрываешься. Я пытаюсь с ней наладить контакт, но пока не удается. Я человек без родины: из Тулы уезжала на время, как все — на заработки, а получилось, что стала москвичкой. Я уже не приезжаю в город, в котором родилась, но и Москву тоже не считаю своим местом. Больше месяца здесь не выдерживаю — срываюсь и еду куда-нибудь. В начале октября меня очень спасли гастроли во Владимире, потому что я уже почувствовала рубеж в месяц.

— *Страшно было осваивать совершенно новую профессиональную стезю, неужели у родителей?*

— Нет, не страшно: когда тебя поддерживают родители, то почему бы и нет? Для меня правильный выбор профессии означает, что человек счастлив на своем месте. Я у мамы часто спрашивала, неужели ей не хотелось пойти в другую сферу, а она го-

«Кант». Фоби Грин — Ю. Соломатина. Фото С. Петрова

ворила, что ей нравится движение (мама Юлии – водитель трамвая – прим. Д.С.). Конечно, вокруг актерской, да и любой творческой профессии разные слухи ходят. Когда я в 12 лет сказала папе, что хочу быть фотомodelью, он ответил: «Когда вырастешь, я тебе объясню, что такое фотомodelь». А потом, прислушавшись к человеку, которому доверял, сам предложил мне поступать в театральный институт.

Бабушка забавно пошутила, что я пошла в них с дедушкой: он был актером деревенского клуба, заводилой, а она – педагогом в сельской школе. Вот сейчас и проявилась преемственность: недавно я поехала в другую страну получать опыт в работе с детьми. С ними происходит взаимообмен, ощущаешь такую отдачу! Я дико рада, что этот опыт продолжается в Москве. На данный момент мне это нравится.

– Вы и сами закончили учиться не так давно. Целенаправленно или на курсе Сергея Женовача, или так сложилось?

– Я ведь не с первого раза поступила в РАТИ: слетев с конкурса, пошла в Славянский институт на актерский факультет. Не знаю, что мне было нужно в 17 лет. По-моему, вообще ничего. Какое-то время спокойно училась в коммерческом вузе, официанткой по ночам работала. А потом что-то в голове щелкнуло: почему бы не поступить? Здесь ведь нет никакого рецепта – пропускать ли год для подготовки или лучше быть при деле. Моя знакомая несколько лет поступала, параллельно работая в торговом центре, но сейчас она выпустилась у прекрасного мастера, служит в классном театре, у нее есть роли.

И с учебой у Женовача все само собой сложилось. Учась на курсах во ВГИКе, вдруг стала ходить в театры. На спектак-

ле «Мальчики» на поклон вышел Сергей Васильевич, и я со слезами на глазах сказала: «Я буду у вас учиться». Так и получилось. Параллельно набирал курс Константин Райкин, и конкурсные показы были поставлены на один день. Кто-то из абитуриентов пытался показаться и там, и там, а я подумала: «Ну куда я буду бежать?»

— *Как подбирали конкурсную программу? Вы кажетесь тургеневской девушкой.*

— Я читала «Кармен» Проспера Мери-ме: ярко, не всегда понимая, о чем, — хотела взять темпераментом. Это была моя единственная проза, и мне нужно было поступить. Потом уже на конкурсе мне посоветовали еще что-то подобрать, и я подумала: «Пусть это будет «Письмо незнакомки» Стефана Цвейга». Эта героиня уже ближе к тургеневской девушке. Но на тот момент мне казалось, что я — Кармен.

— *Поступая, думали о дальнейшей профессиональной судьбе? В какой театр хотели?*

— Я человек без амбиций, это не очень хорошо. При поступлении не думала о том, чтобы работать, например, в Большом. Я немного расстроилась, когда к Сергею Васильевичу в СТИ не попала, потому что за 4 года обучения очень привыкла к этому человеку. Пускай он не вел у нас актерское мастерство, но он один раз в неделю приходил на показ, и у нас были обсуждения, разговоры, размышления, впечатления о прочитанном, просмотренном, увиденном. Когда уже выпустилась, иногда перед сном включала интервью и записи Женовача и просто слушала его голос. Мне его не хватало, как родного человека.

А вообще я рада тому, как все сложилось. После выпуска мы ходили только в три театра показываться. Миндаугас (*худрук Театра им. Вл. Маяковского Миндаугас Карбаускис — прим. Д.С.*), видимо, смотрел наши дипломные работы и позвал просто почитать монологи, даже без отрывков, а Юрий Николаевич Бутусов нас с «LIEBE. Schiller» по пьесе «Разбойники» пригласил в Театр имени Ленсове-

«Кавказский меловой круг». Груше — Ю. Соломатина.
Фото С. Петрова

та (*спектакль некоторое время игрался также на сцене Театра им. Вл. Маяковского — прим. Д.С.*). Следующий спектакль в январе будет.

— *Как вас приняли старшие коллеги?*

— Старшее поколение такое же, как наше. Думаю, даже Мария Николаевна Ермолова когда-то была, как я или Вера Панфилова, с которой мы вместе играем в «Канте». На этом спектакле как будто во сне все происходило. Этим, наверное, и интересна Маяковска: видишь разные школы и можешь чему-то научиться. Помню взгляд Михаила Ивановича Филиппова, когда мы только начали репетировать. Он как будто студент, который только что выпустился: так же пробует, ошибается, не боится, а где-то

и боится. И я поняла: чего бояться — он такой же, как и я.

— Вы можете быть очень ироничной на сцене. В каком жанре вам комфортнее всего?

— Мне кажется, там, где комфортно, — скучно, и ты сразу проигрываешь. У меня нет ни одной такой роли. В каждом персонаже я ищу и себя тоже, но интереснее материал и герой, который дальше от меня. Там интересно копаться и находить. Недавно я подумала, что мне хотелось бы попробовать поработать в остром комедийном жанре. Это не очень умно сейчас прозвучит, но я вспомнила одного персонажа — мистер Бин. Хочу поступать так, как он. Такой фрик — почему бы и нет?

— Еще во время учебы вы сыграли во множестве классических пьес. Какая драматургия вам ближе?

— Ближе та, где есть человек и тема — будь то зарубежная или русская классика. Возможно, мне хотелось бы сыграть что-то современное, потому что я не понимаю, как в этом существовать, что делать. Но для Маяковки ли такие жесткие пьесы? Хотя я, например, слышала, что сейчас даже Горький не приветствуется. Знакомый режиссер пошел в театр N к худруку M и предложил поставить какую-нибудь пьесу Алексея Максимовича. На это ему ответили: «Да вы что?! Кто на него сейчас пойдет?»

— Насколько важно наличие жизненного опыта, адекватного роли? Где набирали опыт для роли Груши в «Кавказском меловом круге»?

— Я его до сих пор не набрала. У меня практически не было ролей в театре, где бы я изначально была распределена в материале. Кроме «Последних» Горького, везде я кого-то заменяла по разным причинам. В «Меловой круг» я пришла за короткий период до премьеры, догоняла и запрыгивала в последний вагон. И до сих пор, наверное, запрыгиваю, пытаюсь что-то понять... Знаю женщин, которые действительно бежали из Абхазии, они мне рассказывали про это бегство — волосы дыбом вставали. Сейчас в Боярских палатах СТД РФ вышел прекрасный

спектакль Жени Беркович «Считалка» про грузино-абхазскую войну.

— Вы легко подчиняетесь постановщику?

— Каждый спектакль — это борьба. Я абсолютно форменный артист, еще со времен студенчества: мне можно два часа объяснять роль — я не пойму. Понимаю через внешнее, через форму, тогда что-то свое рождается. Бывает, что мне не нравится работа конкретного режиссера, но я иду за ним всегда, развиваю и поддерживаю каждое его предложение, вдохновляюсь и предлагаю что-то свое. Иногда это происходит не в тот момент, когда нужно, а как раз тогда, когда надо за ним идти. А иногда стоит предложить, чтобы он загорелся твоей идеей. Для меня все обоюдно, важно быть на одной волне.

Есть режиссер... Не стану его называть, потому что буду говорить только комплименты, а он странно к ним относится. За ним я иду всегда, может, не понимая, чего он хочет, но я настолько ему доверяю, что выполняю все, что он выстраивает. Он задает только схему, рисунок роли, но никогда не делает разбор, не объясняет, чего персонаж хочет. А потом все приходит: «Ах, так вот что тут на самом деле!» С этим режиссером я очень люблю такие ребусы. Даже если у тебя не пойдет сегодня спектакль, зритель этого не заметит.

— Вам не обидно играть небольшие роли?

— Самое классное — маленькие роли, серьезно! В них столько фантазии, можно через один эпизод ярко сыграть судьбу человека. Нас Сергей Васильевич учил быть общим целым и работать в ансамбле. Со стороны кажется, что есть главные герои и второстепенные — ан нет, мы все на равных: кто-то создает атмосферу, хотя у него меньше текста. Недавно смотрела «Рассказ о счастливой Москве» (спектакль *Миндаугаса Карбаускаса* — прим. Д.С.) в «Табакерке». Там у Яны Сексте не очень много сцен, но она такая запоминающаяся, яркая! Это же прекрасно.

Мне не обидно, и когда спектакли снимают — с ними нужно вовремя прощаться

«LIEBE. Schiller». Фото В. Майорова

ся. Стараюсь с легкостью и принимать, и отдавать. Не испытываю ревности к коллегам. У нас в некоторых спектаклях играют приглашенные артисты. Воспринимаю это как вызов труппе, от которого все активизируются. Мы ведь расслабляемся: получили распределение и спокойно существуем, а тут кто-то появился со стороны — как так?! Что, у нас нет своих артистов?! Значит, мы будем доказывать, будем проявляться. Хотя я иногда думаю: артист, наверное, должен хотеть ролей и выпрашивать их, а я этого не понимаю и не делаю. У меня даже нет ролей-мечты. Мне нравится что-то открывать в том, что тебе дают, — в случайном. Ну, пришла к тебе роль твоей мечты — и все, и отдыхай! Кидаться во что-то неизвестное для меня более интересно.

— *Сейчас вы сознательно взяли паузу в театре?*

— Я сейчас немножко затерялась в театре, перестала его любить и смотреть, потому что каждый раз расстраиваюсь: нет ориентиров, а после спектакля еще хуже. Я ничего не могу делать без любви, поэтому два года не выпускалась. Конечно, есть периоды эйфории, например, когда только

только приходишь в театр. Но когда у меня пропадает любовь, мне лучше уходить, ведь я любую деятельность, в которой существую, воспринимаю в том числе и как хобби. Приходит зарплата, и ты удивляешься и вспоминаешь, что это же твоя работа, за которую ты получаешь деньги!

У меня нет желания быть на виду, наверное, потому, что я не актер — я человек. Всегда сомневаюсь в этой профессии, поэтому циклично, через энное количество лет, ухожу из нее. Сейчас настал момент, когда я побоялась совершить ошибку и взяла паузу, чтобы не уйти из нее насовсем. Это было мое сознательное решение: я пытаюсь себя найти в других сферах, но так, чтобы найденное отложилось в копилочку для актерской истории. Я не чувствую, что могу быть только актрисой, но сублимировать свои мысли и переживания могу только на сцене, в репетициях, в танце. Если бы мне разрешили пойти в музыкальную школу в детстве, я бы, наверное, стала гениальной пианисткой, но — не случилось! И все равно думаю, что я много чем могу заниматься в жизни.

Дарья СЕМЁНОВА